Евгений
Гинзбург:

ЧЕГО НЕДОСТАЕТ

Самое знаменитое телешоу Евгения Гинзбурга «Волшебный фонарь» было почти нелегальным в 70-е годы и только однажды попало на экран в новогоднюю ночь, совсем под утро, когда уже спали начальство и строгие редакторы. Больше повезло его музыкальным «бенефисам» — их даже повторяли, правда, тоже ночью, в основном под Пасху, чтобы отвлечь молодых от крестного хода. Теперь, когда наше ТВ уже вполне освоило эстетику «видеоклипа», имя первопроходца, создавшего многочисленные теле- и киномюзиклы, эстрадные и цирковые развлекательные программы, стало привычным. Однако и последние музыкальные ленты Гинзбурга «Пышка» и «Остров погибших кораблей», получившие высшие награды телефестиваля в Швейцарии, дали новый повод для профессиональной дискуссии о праве музыкального режиссера «облегчать» и «пародировать» серьезный литературный сюжет.

— Вы знаете, удивительная вещь происходит с последними моими фильмами, впрочем, как и с прежними, — говорит Евгений Александрович. — Все, что вызывало непонимание и раздражение нашей критики — например, вставные музыкальные номера, отсутствие привычного музыкального единства (ведь в «Острове сокровищ» действие у меня оформляют песни разных авторов) и, конечно, буффонадность, фарсовая стилистика, — все это фестивальной аудиторией Швейцарии было принято с полным пониманием. Ни публику, ни критику на Западе не удивляет «расказ» какой-то истории средствами музыкального языка и с помощью музыкальных пародий в частности. Наверное, приученная к музыкальным видеоклипам, давно освоившая эстетику мюзикла, западная аудитория запросто включает в игру режиссера, с удовольствием принимая правила «легкого» жанра.

А в сущности подумайте — что такое современный клип? Для меня — прежде всего музыкальный комикс. Это попытка рассказать некую историю или сюжет песни очень компактно, демократичным языком, эффектно соединив музыку с изобразительным рядом. По-моему, эстетика клипа рождена еще ранним кинематографом. Она возникла с первыми попытками озвучивать изображение — сначала заэкранной музыкой в исполнении тапера, а потом уже и фотографией — на экране. Но дело даже не в самом

музыкальным озвучивании, а в естественной, присущей искусству «синема» музыкальной драматургии, создаваемой монтажом аттракционов, особым ритмом экранной истории.

— А как вы пришли к мюзиклу и к его «молекулярной частичке» — к клипу, да и вообще, как становятся музыкальными режиссерами?

— Думаю, что здесь не может быть никаких особых рецептов. Сам я никогда не пел, не играл на гитаре, но всегда любил музыку, особенно классическую. Я учился режиссуре у Михаила Ивановича Туманишвили в Грузинском государственном театральном институте в Тбилиси, когда там еще не было кинофакультета и наши педагоги не делали никакого различия между театром, кино, телевидением. Я готовил себя в серьезные режиссеры, а попал в музыкальную редакцию телевидения, где также не было разграничения на классическую и легкую музыку.

А интерес к клипу у меня возник с потребностью «инсценировать» или «экранизировать» песни. Ведь, смех вспоминать, прихотилось, например, показывать новую программу какого-нибудь эстрадного певца, скажем, Льва Лещенко, в совершенно пустой студии — тоска смертная! Так невольно приходилось что-то изобретать, «разыгрывать» проигрыши песен с помощью элементарного показа фотографий, то есть «самовыражаться» буквально на пустом месте. Эти наши отчаянные попытки хоть как-то оживить музыку на телеэкране позже пригодились мне в эстрадной телепрограмме «Артлото», ну а потом в «Бенефисах».

— Ваши телевизионные «Бенефисы» и особенно «Волшебный фонарь» удивили необычной условно-театральной стилистикой, почти хулиганскими музыкально-пластическими пародиями, продолжавшими традиции самой демократичной передачи 60-х годов — всеми любимого «КВН». Как вам это удавалось?

— На Центральном телевидении нас никто всерьез не воспринимал, и наши «вольности» порой рождались просто от бедности и безысходности. Например, своеобразный декорационный склад для первого «Бенефиса» мы сделали потому, что не могли построить ничего нового для себя. Вот и притасовали на съемки все, что оставалось от других фильмов и передач. Но именно в этом театральном хламе, по-моему, у меня и получились удачные музыкальные номера — например, песня Оскара Фельцмана «Старые слова» в исполнении Людмилы Гурченко, которая тогда